

Виктор РОЗОВ

Я СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВОЙНЕ

Незадолго до 22 июня на труппе прочли веселую, даже блестящую комедию в стихах – «Давным-давно» Александра Гладкова. Тоже приятно. Бабанова будет играть Шурочку Азарову, Лукьянов – Ржевского. Мы, молодежь, всегда взволнованно переживали выпуск спектакля – от читки пьесы до премьеры. Событие! Все отлично!

Тут бы написать: и вдруг все переменялось, началась война. «Так да не так», – как любит говорить моя двоюродная сестра Татьяна. Пожалуй, первое чувство, которое я испытал, когда услышал о начале войны, – острое любопытство, как перед ожиданием какого-то грандиозного представления: что-то теперь будет, ай как интересно. Глаза мои раскрылись шире в ожидании. Я увидел, как в первые же часы люди стали быстрее ходить по улицам, почти бегать. Возникло всеобщее возбуждение. Мы, молодежь театра, тоже были взвинчены, возбуждены. Огромной шумной и веселой компанией мы ринулись в кафе-мороженое отмечать это совершившееся, но невидимое всем нам событие. Мы хохотали, остряли, дурачились и закончили «торжество» тем, что разлили в высокие металлические вазочки из-под мороженого шампанское и с криками «ура!» выпили. Назовите это мальчишеством, глупостью, идиотизмом, как хотите, но это было так. Именно это теперь меня и поражает, потому что сейчас, когда мне много лет, когда у меня семья, когда я знаю, заряд какой разрушительной силы кроется в слове «война», я бы не побежал в кафе, я бы не дурачился, не смеялся, а, обхватив голову руками, мучительно думал: как спасти детей? Но тогда эта-то необычайность – началась война! – и сделала жизнь еще более интересной и любопытной: я узнаю, что такое война. Вроде повезло.

Вечером 22 июня мы играли спектакль в Пятигорске. Казалось, все на своем месте. Актеры надевают нарядные испанские костюмы (шла «Собака на сене» Лопе де Вега), гримируются, бутафоры раскладывают по местам необходимые вещи, стучат молотками рабочие

сцены, в зрительном зале сверкают зажженные люстры... Но мы полны любопытства: придет зритель в театр или не придет в этот странный и непонятный день? Всегда было набито битком.

Третий звонок, постепенно гаснет свет в зале. Смотрю в щелку. Пустых мест около половины. И эти пустые стулья почему-то вселяют в душу тревогу. Первая тревога.

Спектакль идет как-то необычно. Те же слова, те же мизансцены.

Но все вдруг обретает какую-то бессмысленность. Началась война, а тут какая-то графиня де Бельфлор занимается глупостями: можно ей любить своего секретаря Теодоро или не можно, уронит это ее графскую честь или не уронит. Ну, кому до этого дело? Началась война! Играем – и какое-то чувство стыда.

Виктор Розов

После окончания спектакля, 'разгримировавшись, выходим из театра и... попадаем в кромешную тьму. Что такое? Почему не горят веселые вечерние огни Пятигорска? Приказ: свет в городах не включать – вражеские летчики ничего не должны видеть, если окажутся над городом. Война идет где-

то там, за тридевять земель, за тысячи километров от нас, но дыхание ее сразу же дошло сюда, до тихих, божественных Минеральных Вод. Тревога номер два. Шаримся в темноте, держась за руки и окликая друг друга. Южные ночи черны.

А на следующий день под звуки оркестра идут новобранцы. Мы выскакиваем из театра и видим эту картину. Оркестр гремит звонко, трубы поют в ясном солнечном воздухе. Но почему в привычном ухе марше слышится какая-то чеканная сухость и тревога? Так, да не так. А еще рядом быстро идут, почти бегут матери и отцы марширующих к вокзалу новобранцев. Тревога! Тревога номер три.

Много времени спустя, в 1942 году, после лечения в госпитале ехал я, добираясь до дома, по Волге. Ночи были тоже черные, хотя не такие беспросветные, как на юге. Пароход причалил к Чебоксарам. Пристань была забита людьми, а сверх того толпа стояла на

берегу. Это тоже провожали новобранцев. Пареньки моложе тех, что маршировали в Кисловодске. Стали грузиться на пароход. Раздались прощальные слова, выкрики, всхлипы. Черная масса плотно скупенных людей зашевелилась, закачалась как одно большое непонятное существо. Когда отдали трап, еще соединявший последней связью людей на пароходе и на берегу, люди на пристани – отцы, матери, братья, сестры, невесты, друзья – вцепились руками в борта парохода, стараясь удержать его. Пространство между пароходом и пристанью становилось все шире. Тела стали вытягиваться над водой, но пальцы не разжимались. Матросы бегали вдоль палубы и отрывали эти руки от бортов. Через мгновение я услышал плеск падающих в воду тел, и река огласилась воплями. Пароход шел, а вслед ему неслись этот единый многоголосый вой. Он тянулся за нами долго, как туман, как дым, как эхо.

Когда я писал в сценарии «Летят журавли» сцену проводов Бориса, я помнил и звуки оркестра в Кисловодске, и вой над Волгой, и как провожали меня со 2-й Звенигородской улицы 10 июля 1941 года. Краснопресненская дивизия народного ополчения лавой плыла по ночным темным московским улицам. По краям тротуаров стояли люди, и я услышал женский голос, благословлявший нас в путь: «Возвращайтесь живыми!» Эту реплику я в неприкосновенности отдал бабушке в пьесе «Вечно живые». Она заканчивает первый акт драмы.

...Добавлю еще, что счастливый я и оттого, что уж очень много всяких открытий произошло именно в эти годы, в которые я живу. Шутка ли – аэроплан, кино, телевидение, атомная бомба, выход в космос, пересадка сердца. Собственно, и автомобиль появился не многим ранее меня. Во всяком случае, в быт все это вошло у меня лично на глазах, и я являлся свидетелем первородного восприятия всех этих чудес.

Раньше изобретут люди какую-нибудь лейденскую банку и потом лет сто обсасывают эту банку, разговору только о ней. А я за свою жизнь едва успеваю ахать, а потом сразу же и отмахиваться: «Ах, радио!» А потом: «Ну-ка, выключи эту музыку. Еще в поездах запускают варвары!» Или: на первые телепередачи сбегались из всех комнат общественных наших квартир. «Смотрите, смотрите! Бегают люди живые, это надо же!» А теперь: «Что там сегодня будет? Посмотри в программе. Наверно, опять чепуха. Сотри-ка с него пыль».

Кстати замечу: когда я впервые увидел в маленький телевизор «КВН» людей – они, кажется, танцевали, – то эти крохотные существа произвели на меня какое-то жуткое впечатление: как будто злой волшебник превратил людей в насекомых. Даже противно сделалось.

И первую встречу с кинематографом не забыл. Ветлуга, год, наверно, двадцать первый, а может быть, и девятнадцатый. Длинный темный сарай. Только сквозь щели просматривается наступающий вечер. Мы, ребяташки, уселись по лавкам и галдим всем своим ребячьим базаром. Говорят, что-то будет. Как называется, никто не знает, но что-то покажут вон на той белой простыне. А нам и так весело, нам необязательно. Однако смотри-ка! И весь сарай замер. Тишина. Только где-то застрекотало, а на простыне вдаль показался поезд. Ну и ну! Поезд ближе, ближе. Эй, что же это он делает, куда это он едет! Аи, летит прямо на нас! С ума сошел! Аи! Караул! Дикий крик – и мы, роняя лавки, выбрасываемся из сарая, будто нас оттуда вычистили метлой. Сердца стучат, глаза у всех выпучены, лица растерянные. Первое знакомство с кино.

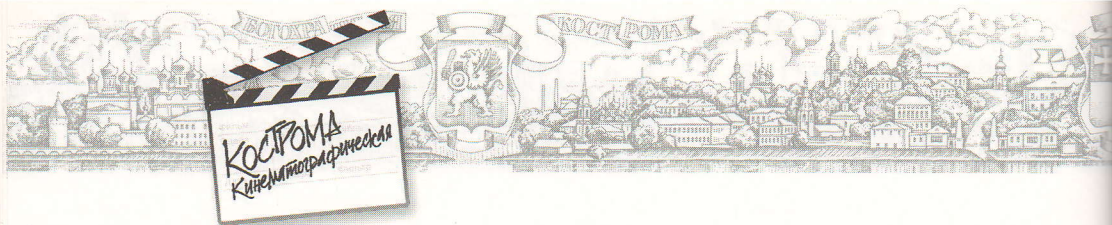
МАЛЕНЬКАЯ ЗВЁЗДОЧКА ЗА МОИМ ОКНОМ

Я уже был принят в школу Театра Революции, но бездомность и наступившие холода были несносны, и мы с Подчасовым решили переметнуться туда, где есть общежитие. В это время шел набор в Киноинститут. Происходил он в Лиховом переулке, в здании, где теперь находится Студия документальных фильмов.

Мы с другом вошли туда, уже не робея: за спиной у нас прочный Театр Революции. Коридоры набиты юношами, девушками и людьми более зрелого возраста. Многие разряжены, щебечут нарочито развязно, – возможно, от волнения, чтобы создать впечатление людей бывалых, тертых, знающих, что к чему. А тут явились два сапога. Уговорились: если примут только одного, уходим оба. Томимся в коридоре. Вокруг жужжит, гудит, звенит, дышит толпа. Вызывают:

– Розов!

Вхожу в комнату и... пугаюсь! Все вылетело из головы, даже забыл, зачем пришел. Во главе стола, который обседел человек восемь экзаменаторов, сидит самый страшный злодей, какого я когда-либо видел: Чиче! В тех же очках, с теми же редкими зубами, с тем же исподлобным взглядом. Я же в Костроме раз пять смотрел этот замечательный

фильм «Мисс Менд». Каждая его серия была сладострастным и жутким мучением. Каких только преступлений не совершал этот Чиче!..

И после оторопи вдруг странное чувство охватывает меня: радость. Я рад, что вижу живого Чиче, вижу актера Комарова, игравшего эту роль. Я думаю, каждый нормальный человек испытывает своеобразное счастье, видя знаменитость, будь это великий человек искусства или науки. Да и потом я, когда был уже взрослым, испытывал эту радость, видя великих или знаменитых людей, например Юрия Гагарина. Так хорошо сделалось на душе. Нет, желание видеть знаменитых — это не праздное побуждение зевак. В этом есть что-то нужное для человека. Я бы, например, хотел видеть в своей жизни Эйнштейна, но, к сожалению, не видел.

Чиче посмотрел на меня именно чичевским страшным, сверлящим взглядом и спросил, как ни странно, доброжелательно:

— Что вы будете читать?

И, уже совсем счастливый, отчего чуть не сделался нахальным, я ответил:

— А что бы вы хотели?

— Нам все равно, — сказал кто-то из застолья.

— Хотите, я вам прочту «Жил да был крокодил, он по Невскому ходил»?

— Да, хотим, — слегка оживившись, ответили почти хором члены комиссии.

И я начал. Читал раскованно, как мне помнится, даже с озорством, довольно долго читал. Наконец остановили.

— Теперь мы вас попросим сделать этюд.

— Я — весь внимание.

— Выйдите за дверь. Там узнаете, что вы выиграли сто тысяч. Войдите сюда и сообщите это радостное известие.

Задал же мне задачу мой любимый Чиче!

Я удалился. Что я думал, выйдя за дверь? По-моему, ничего. Через одну-две минуты я возвратился в комнату и, осторожно обойдя сидевших за столом людей, пробравшись к центру его, где сидел Комаров, наклонившись к нему, на ухо тихо произнес:

— Я выиграл сто тысяч.

— Почему вы говорите так тихо? — несколько откинувшись от меня и с полным недоумением в глазах спросил Главный Экзаменатор.

— У вас же идет заседание приемной комиссии. Как же я могу громко?

— А-а-а... — протяжно произнесли все сидевшие и попросили меня удалиться. Но я успел заметить: чем-то я им доставил удовольствие.

Как хорошо жить, когда ты независим и что-то у тебя есть за спиной!..

Вызывали и Витю. Мы протолкались в здании института до вечера. Поток шел и шел.

Финал был для меня совершенно блистательный. Из заветной двери появилась девушка и громко сказала: «Прошу тишины». Этих слов ждали все. И тишина воцарилась в одно мгновение абсолютная.

— Приняты двое, — провозгласила девушка-герольд. Она назвала женскую фамилию. — И Розов.

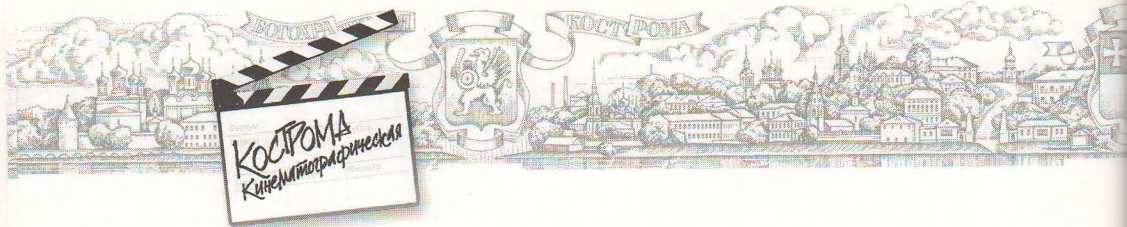
Нет, вы представьте себе: это не был набор, это был добор, нужны были всего два человека, а там толкались сотни. Экая гадость! Да знай мы это заранее... Но все равно, когда произнесли мою фамилию, я ощутил удар какой-то подлой радости. Однако уговор дороже денег: или принимают двоих...

И снова садовые скамейки, вокзалы и случайные приюты.

Жаль только, что я не запомнил фамилию принятой девушки. Может, она теперь известная киноактриса. Я бы встретил ее и сказал: «А помните...» И мы бы вспоминали былое. И еще жаль, что я чье-то место зря отнял. Неужели у них из-за меня снова был добор?

УДАЧА

...Первая постановка «Вечно живых» была в Ленинграде, в Театре имени Комиссаржевской, которым руководил Владислав Станиславович Андрушкевич, поставивший спектакль весьма хорошо. Юная Эмма Попова сыграла Веронику горячо, трепетно, да и Боярский, Иван и Игорь Дмитриевы, Чембург тоже были на высоте. Но особенно сильное впечатление произвел артист Крымов, игравший Володю. Много я видел спектаклей «Вечно живые» с разными исполнителями роли Володи, и хотя среди них были и такие прекрасные, как Игорь Кваша, но Крымов, по-моему, был актером уникальным, может быть, даже гениальным. Как он чувствовал не только свою роль, но и всю атмосферу военных лет!

...Я варил мясной суп, стоя у керосинки. Вижу, с улицы вошел импозантный человек в элегантной шляпе, дорогом костюме, в тщательно начищенных ботинках; переступив порог, он замер, окинул несколько растерянным взглядом наш трущобный коридор и произнес, ни к кому не обращаясь:

— Я, кажется, не туда попал.

Надежда Федоровна, переворачивая ножиком рыбу, спросила:

— А вам кого нужно?

— Извините, — отозвался элегантный мужчина, — мне нужен драматург Розов.

— Вон он что-то варит, — указывая в мою сторону, сказала Надежда Федоровна, — кажется, суп.

Элегантный мужчина, почти не веря своим глазам, робко двинулся по коридору в мою сторону и, подойдя, спросил:

— Вы Виктор Сергеевич Розов?

— Да, — признался я.

— Меня зовут Михаил Константинович Калатозов, я кинорежиссер.

— А! — вырвалось у меня. — Проходите, пожалуйста.

Я убавил слегка керосинку, чтобы не выкипел суп, открыл дверь в свою комнату-келью, и мы вошли.

А теперь еще чуть-чуть назад. Мы с женой были в Ленинграде (кажется, именно по поводу премьеры в Театре имени Комиссаржевской), я уходил куда-то из гостиницы, и когда вернулся, Надя мне сказала: «Звонил из Москвы кинорежиссер, он хочет встретиться с тобой, я записала его телефон. Его фамилия Калатозов, зовут Михаил Константинович. Я сказала, что ты скоро вернешься в Москву и позвонишь». Приехав в Москву, я сразу позвонил; Калатозов сказал, что хочет повидать меня, и спросил мой адрес. Я назвал адрес Зачмона, и мы договорились о времени встречи. Милый Михаил Константинович думал, что я живу в отдельной квартире, оттого так его поразил вид нашего коридора-общезития.

— Я хочу поставить фильм по вашей пьесе «Вечно живые», не согласитесь ли вы написать сценарий?

— Вы видели спектакль?

— Нет, спектакль я не видел, я прочел вашу пьесу в журнале «Театр».

— Но журнал еще не вышел.

– Я читал в гранках. – И, улыбнувшись, Калатозов добавил:

– Они были сырыми.

Мне это понравилось.

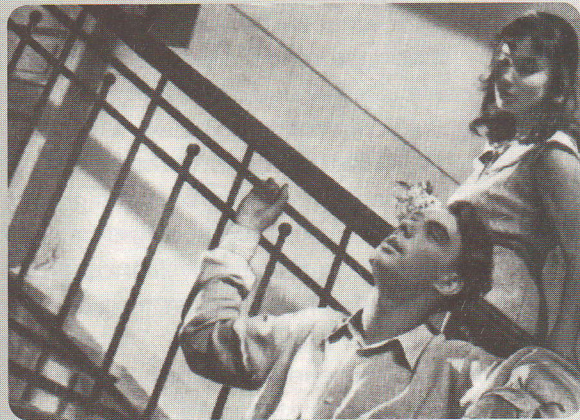
– Я никогда не писал сценариев, не умею, не знаю, как это делается.

– Попробуйте, я уверен – получится.

– Знаете, – сказал я, – буду писать так, будто сижу в зале кинотеатра и передо мной на экране идет лента.

Михаил Константинович улыбнулся и сказал:

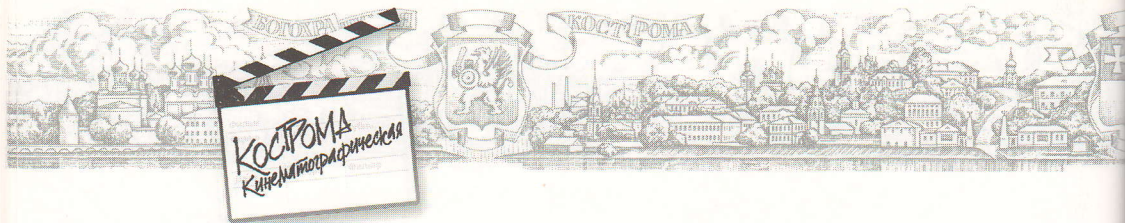
– Вот именно так и нужно писать.

к/ф «Летят журавли»

...Я, наверно, в сотый раз напишу о том, что мне в жизни везло чрезвычайно. История создания фильма «Летят журавли» – тому пример. Меня часто спрашивали и дома, и за рубежом, почему я так назвал фильм и что это означает. Я честно признавался: не знаю. Пришло в голову, понравилось – вот и все. Что-то в поднебесном журавлином полете есть от вечности. Но это я уже объясняю сейчас, а тогда просто мелькало как символ чего-то.

Калатозову название сразу понравилось, но на «Мосфильме» не утвердили. Я думаю, оттого, что ведущие редакторы или руководители часто мыслят только логически, и если что-то логически необъяснимо, то, значит, вообще непригодно. В нашем деле логическое – далеко не

самый первый компонент. Фильм снимался под названием «За твою жизнь». Мне не нравилось это название – будто заголовок статьи в газете, – но Михаил Константинович успокаивал меня, говоря, что он добьется полюбившегося нам названия. И ведь добился! Каким образом, не знаю. У него был большой опыт общения с руководством. Недаром он одно время исполнял обязанности начальника Комитета по делам кинематографии.

...Калатозов был чрезвычайно внимателен. Ни разу он от меня ничего не потребовал, ни на чем даже не настаивал, только размышления, только осторожные вопросы, а ведь был уже знаменитым режиссером – и «Соль Сванетии», и «Верные друзья». Кстати, именно эту комедию я сравнительно незадолго до встречи с Михаилом Константиновичем видел и получил отличную порцию смеха и уж никак не думал, что с режиссером фильма познакомлюсь. Я все еще числился начинающим автором и, конечно же, испытывал пиетет перед маститым художником.

И хотя сценарий я писал по своей собственной пьесе, мне не хотелось повторяться. И я сказал:

– Михаил Константинович, я не хочу писать то, что уже есть в пьесе, а напишу лучше то, что происходило как бы между картинами и действиями: сюжет тот же, персонажи те же, но сцены новые.

Ну, в самом деле, зачем писать снова то же самое, когда в молодой голове еще много мыслей, когда жар минувшей войны определяет температуру твоего духа...

Калатозову это пришлось по вкусу. Я рассказывал, как мы уходили на фронт, как меня провожала Надя – ведь такие события помнишь с мельчайшими подробностями, – как мы, добровольцы Народного ополчения, совершенно не по-военному толпились во дворе школы на Звенигородской улице. (Эта сцена потом и была снята во дворе школы, только в Армянском переулке.) И одновременно фантазировал проводы Бориса до деталей, даже брошенное под ноги печенье написал.

Меня иногда спрашивают, что в сценарии написано мною, а что привнесено режиссером и оператором. Да разве разделишь! Ну, например, вертящиеся березы в сцене смерти Бориса целиком придуманы Урусевским и Калатозовым. Когда они мне до съемок объясняли эту сцену, я ничего не мог понять и признался в этом. «Не понимаю. Конечно же, снимайте так, как вам видится». А когда в маленьком просмотрном зальчике «Мосфильма» увидел воочию этот эпизод, то

от волнения вскочил со стула. И в то же время то, что убитый Борис падает в грязную лужу — а это было написано мной, — отснято очень точно. Падение героя в грязную лужу в то время тоже казалось новшеством, так как в других фильмах герои умирали романтично. Калатозову понравилась и другая моя выдумка — показать предсмертное видение Бориса не как воспоминание прошлого, а как мечту возможного, если бы он остался жить, — его свадьбу с Вероникой. И сквозь это счастливое видение где-то там, за кадром, повторяющийся крик Степана: «Помогите, помогите, помогите!» Новые сцены захватывали нас. Выпавшая мне на долю встреча с изумительными мастерами — Калатозовым, Урусевским, актерами Самойловой, Баталовым, Меркурьевым, да и всеми остальными, которые были как на подбор, — конечно же, огромное счастье.

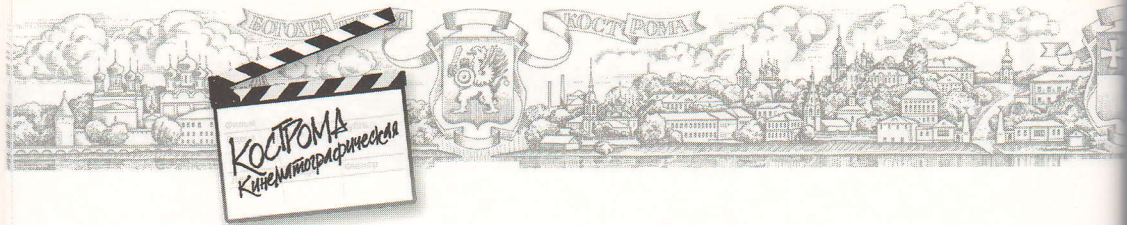
Запомнился просмотр фильма в клубе Министерства госбезопасности. При выходе из клуба критик Александр Васильевич Караганов (он тогда тоже еще был молодым, много и хорошо писал о спектаклях, о кинофильмах) сказал: «Это что-то новое; теперь молодые кинематографисты начнут сходиться с ума, их куда-то понесет».

А мой дорогой друг по казанскому госпиталю Алексей Яковлевич Тарараев выразился так: «Это варварский фильм». Я несколько опешил, не ожидая такой реплики, но он пояснил: «Надо иметь железные нервы, чтобы пережить подобное».

Да, это было тогда, потом мы видели фильмы и пожестче, и пострашнее, и кровь, и грязь, и растерзанные тела, хотя ужаса войны не передаст никто — невозможно!

Любопытно — много лет тому назад я был в ФРГ, и в Гамбургском университете устроили просмотр «Журавлей» для студентов. Меня пригласили, чтобы потом обменяться впечатлениями. Не без некоторого напряжения я шел на этот просмотр. Как же! Фильм будет смотреть молодежь побежденной страны, принесшей нам неслыханные страдания. Народу было уйма. Фильм шел в гробовой тишине. После просмотра был обмен мнениями, в зале чувствовалась какая-то неконтактность. Германия еще сильно переживала комплекс вины, особенно молодежь. И одна реплика юноши мне запомнилась: «Все-таки ваш фильм мне не понравился». — «Почему?» — спросил я. — «Очень романтизирует войну».

Представьте себе, я думаю, что этот юноша был прав. Видимо, о кинофильме «Горячий снег» он так не сказал бы.

Когда «Летят журавли» были отсняты, фильм послали на отзыв начальству. Вестей не было долго — месяц. Потом узнали: мнения были различные; премьера в Москве состоялась не в «Ударнике», не в кинотеатре «Мир», а в более скромном кинотеатре — «Москва» на площади Маяковского. Премьера была неторжественной.

...Когда я стал поправляться после тяжелой болезни, чтобы хоть чем-то заняться, стал клеить альбом из газетных вырезок — рецензий о «Журавлях». И получилось любопытно: первым было вклеено выступление министра культуры тех лет Н. А. Михайлова, где он отозвался о картине весьма нелестно, а последним — указ о награждении всех нас премией и значком «Ударник кинематографии», подписанный тем же министром культуры за тот же фильм! Но, конечно, этот указ был издан после долгого проката фильма по экранам страны, по миру, после получения «Золотой пальмовой ветви» на Каннском фестивале. Я не был на этом фестивале, но Калатозов и Таня Самойлова рассказывали подробно. Во время фестиваля корреспонденты, фотографы, кинооператоры разных стран роем вились вокруг мировых звезд и совсем не обращали внимания на членов нашей делегации. Но когда пошел фильм, то зал замер, а через несколько минут начались аплодисменты, все громче и громче... слышались рыдания... Таня рассказывала, что, когда зажегся свет в зале, у многих актрис ресничная тушь текла по щекам. И сразу репортеры, фотографы и кинооператоры бросились на нашу группу. Гвалт стоял невероятный. Самойлову объявили лучшей актрисой года, Урусевского отметили специальным призом, и все вместе, как я говорил, получили главную награду фестиваля — «Золотую пальмовую ветвь». Где она хранится — не знаю, лично я в глаза ее не видел; должно быть, где-то в архивах, так как киномузея у нас нет.

От Тарараева я получил телеграмму: «Поздравляю мировым признанием». Эту телеграмму я тоже вклеил в альбом.

Читая все это, мне могут сказать: «Ну, голуба, ты и расхвастался!» Нет, честное слово, нет, я просто пишу о чудесах. Вы подумайте: начало — в голодной, холодной Костроме «от нечего делать»; и вдруг — все это где-то на берегу Средиземного моря, во Франции, в маленьком городке Канн, на фестивале! И ко всему этому прекрасному шуму я относился и отношусь спокойно: очень славно, конечно, но ничего это не меняет в моей жизни, в моем мироощущении.